

«УХОДЯТ НАШИ...»

Впервые я увидел Таню Шах-Азизову много лет назад, в конце 40-х или начале 50-х годов, в подмосковном мхатовском Пестове. В шумной толпе театральных отпрысков она казалась существом особенным. Держалась особняком, больше молчала, а если говорила, то ровным тихим голосом, что нашей горластой ораве немедленно внушало неясное нам самим уважение, смешанное – по крайней мере у меня – с чем-то вроде робости. Тогда я не так уж много с ней общался, но надолго запомнил ее глаза – лазоревоясные, чуть удивленные, вопрошающие – те самые глаза, что смотрели на нас с фотографии, стоявшей на панихиде возле закрытого гроба.

Всякая смерть ужасна, смерть мучительная ужасна вдвойне. Именно она досталась Тане – несправедливо и незаслуженно.

И все же можно сказать, что жизнь ее была счастливой. Рожденной в театральной семье, ей было предначертано жить в театре и театром. Филологический факультет дал ей превосходное образование, но оказался бессилем сделать ее чистым филологом. Она была заражена воздухом сцены и нашла себя в театроведении, которое в России всегда было сферой жизни живого театра. Она стала театральным критиком с глубоким и точным чувством сцены и безупречной репутацией. Ей всегда верили люди театра. К ее суждениям и советам прислушивались, ее откликов ждали актеры и режиссеры: случай нечастый в театральной среде. К ней, как мало к кому из критического цеха, испытывал душевную привязанность и уважение Олег Ефремов.

С самых первых шагов в профессии, с первых своих статей, с первой своей книги, составившей истинное событие в гуманитарной науке, Татьяна Шах-Азизова смогла – и это было настоящим счастьем – найти тему, составившую смысл и содержание всей ее жизни. Ее приход к Чехову был, кажется, неизбежен. Она и сама была вполне чеховским человеком. Неповторимая утонченность духовного склада, величайшая деликатность соединялась в ней с твердой определенностью мнений – тут она

неожиданно для тех, кто привык к женственной мягкости ее манер, обнаруживала непреклонность: никаких компромиссов. Об этом я могу судить не только по ее статьям и книгам, но и, например, по ее работе в жюри премии Станиславского. Всякий раз она последовательно, а иногда и жестко отстаивала свои мнения, отказываясь считаться с любыми соображениями, стоявшими в стороне от художественной истины.

Она стала главным авторитетом для всех, писавших и думавших о театре Чехова, а главное, для всех, кто Чехова играл и ставил. Я помню, как трепетали перед ней, внимали каждому ее слову английские чеховеды и актеры, игравшие в чеховских пьесах, на конференции в Кембридже: а ведь в Англии к русскому автору не просто относятся с благоговением, но хорошо и глубоко его знают.

Можно сказать, что не только Таня счастлива была со своим Антоном Павловичем, но и он был счастлив с ней: не так часто художнику удается обрести в потомках душу идеально ему созвучную, способную безошибочно ощутить и передать на бумаге самую суть его творений и самой его личности. Поистине они – Таня и Чехов – нашли друг друга.

Она была человеком сдержанным, строгим, часто молчаливым и не очень-то стремилась открывать миру свою душу: чаще она воздвигала между собой и другими тонкую, но ощутимую (очень чеховскую) преграду – может быть, защищая себя от неделикатного вторжения в свой собственный мир. Но она ни на минуту не была ни высокомерным педантом, ни синим чулком. Не могу забыть, как славно она веселилась и заразительно хохотала на чудесных посиделках в том же Кембридже, когда в тесном гостиничном номере Александра Абрамовича Аникста, которого Таня глубоко любила, собиралась толпа английских и русских театроведов и актеров (там, кстати, был и другой объект тихого Таниного обожания – Олег Ефремов).

Татьяна Константиновна Шах-Азизова прожила свою жизнь с честью и безупречным достоинством. Ее уход – настоящее горе для русского театра.

«Уходят наши». Лучшие из нас.

Алексей БАРТОШЕВИЧ

На похоронах Татьяны Константиновны Шах-Азизовой, случившихся на следующий день после дня рождения А.П. Чехова, многие говорили о ее мученической – без всяких кавычек – смерти.

Имелась в виду физическая боль и страдания изумительной женщины, которые она мужественно перенесла перед своей кончиной.

Но я хочу сказать еще и о тех мучениях, что выпали на ее долю как выдающегося чеховеда и критика, ибо она видела воочию, с позволения сказать, спектакли современного театра, где бедному Чехову не раз вырывали нутро и делали зрителю больно. К примеру, роль Аркадиной играл известный актер-мужчина в женском платье (представляете, как хихикали и ржали зрители на ее сценах с Тригориним!), а действие «Трех сестер» переносилось на некую, похожую на «Курск», подводную лодку, тонущую в финале в театрализованных волнах под крики «В Москву! В Москву! В Москву!». Можно привести еще множество примеров подобной псевдорежиссерской дури.

«Чехов вне Чехова» – этот «концепт» (как, впрочем, и «Достоевский вне Достоевского», и «Шекспир вне Шекспира» и т.д. и т.п.) не мог не возмущать Т.К. Шах-Азизову до глубины души, ибо она была истовым и талантливым человеком культуры, болезненно переживающим ее сегодняшнюю деградацию.

Мы должны понимать: когда умерли Зингерман, Паперный, Свободин, Лакшин, – с ними вместе Чехов не умирал, а прибавлялся жизнью в нашем сознании, в нашей вере в фундаментальные ценности, в театр живого академизма.

Уход Татьяны Константиновны, незабвенной Танечки, точно так же сделает свое дело – укрепит нашу чеховиану, еще раз приблизит к нам живого Чехова и заставит постыдиться за тот маразм и позор, которыми грешат нынешние шарлатаны, возомнившие себя «костями треплевыми».

Но для этого нужно одно – почаще читать Т.К. Шах-Азизову.

Марк РОЗОВСКИЙ